

от фантазий и требует другого жизненного уклада (пора зрелости). Это судьба, которую не выбирают, но чувствуют, что именно этот путь определит всю дальнейшую жизнь (по тексту: интуитивно я знал, что так и проживу). Таким образом, в рамках модели «зонирование структуры текста» актуализируется значение текстовых единиц до тридцати лет и в тридцать (лет), расширяя их информационный объем до границ целого текста – «образ жизни творческого человека, жизненное кредо художника».

Текстовое моделирование значения слова представляет собой сложный процесс, оперирующий собственной системой единиц, способами и приемами их организации. Структурно выделенные ярусные и зональные участки в рамках установленной модели «зонирование структуры текста», вступая во взаимодействие, формируют семантику в виде информационного концентрированного предложения-текста.

Литература

1. Бабенко И.И. Семантика слова и его эстетический смысл // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. Томск : Изд-во ЦНТИ, 2000. С. 125–131.
2. Веллер М. Мое дело. М., 2007.
3. Григорьев В.П. Поэтический язык (ПЯ) как объект лингвистической поэтики // Лингвистические аспекты исследования литературно-художественных текстов : межвуз. тематический сб. Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1979. С. 56–86.
4. Ковтунова И.И. Некоторые направления эволюции поэтического языка века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста / под ред. В.П. Григорьева. М. : Наука.
5. Пискунова С.В. Поэтическая семантика слова. Б. Пастернак «Близнецы» // Слово II : сб. науч. тр. Тамбов : Изд-во ТГУ, 1999. С. 160–179.

The principals of word semantics modeling in a text

There are revealed the possibilities and conditions of word text semantics modeling process, substantiated the theoretical principles and mechanisms of text resource involvement into the word semantics development, made the conclusion that organizing its informational space in two directions a text forms the new meaning of its units.

Key words: *modeling, text semantics, text structure zoning, informational zones and tiers of a text, informational centre, generalized meaning level.*

*Н.А. ТУРАНИНА, Е.В. ГУЛИК
(Белгород)*

РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА СЧАСТЬЕ В ПРОЗЕ ВИКТОРИИ ТОКАРЕВОЙ

Рассматриваются репрезентанты концепта «счастье» на материале цикла рассказов Виктории Токаревой «Террор любовью».

Ключевые слова: *репрезентанты, концепт, лексемы, лингвокультурологический подход, ЛСВ.*

В современной когнитологии существует множество определений концепта как единицы концептосферы русского языка. Особый интерес представляет исследование особенностей концептов в художественном тексте, в связи с этим наиболее продуктивным является лингвокультурологический подход к анализу концепта. Поэтому для нас концепт – это «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [5, с. 48].

Понятие *счастье*, как и оценка человеком успешности собственной судьбы, хронологически и концептуально соотносится с удачей, так, в паремиологическом словаре В. Даля мы находим подтверждение этой мысли, когда счастье соотносится с удачей [6, с. 75–103]. Следует отметить, что семантика лексемы *счастье* последовательно сужается; изначально *счастье* – это *судьба, рок*, затем это *случай, везенье* – нечто сугубо внешнее и не зависящее от человека (Там же, с. 75–103). В современной концептуальной формуле счастья присутствуют переживания удовлетворенности человека «жизнью в целом» [17, с. 42; 1, с. 42], т.е. своей судьбой и предназначением, где выделяются такие семантические компоненты, как: 1) объективный – внешние жизненные обстоятельства и 2) субъективный – их оценка субъектом с точки зрения соответствия его магистральным жизненным установкам. В свою очередь, в этой оценке выделяются собственно аксиологический, рациональный момент (*хорошо – плохо*) и момент её эмоционального переживания (*радость – горе*) [5, с. 50]. В словарях русского языка у лексемы *счастье* отмечено от двух [8, с. 724] до четырех значений (ЛСВ) [10, с. 320];

[3, с. 1297]; [14, с. 441 – 442]; [12, с. 1311]; [19, с. 615], в которых содержатся основные составляющие концепта СЧАСТЬЕ. Небезынтересно отметить, что этимологически исходное значение слова *счастье* «участь, доля, судьба», занимающее у В. Даля первое место в словарной статье [7, с. 371], в словарях современного русского языка теряет первостепенную позицию и становится на последнее место с пометами «разговорное» и «просторечное» [10, с. 320]; [13, с. 1311]. Следующий аспект значения концепта СЧАСТЬЕ, который зависит от объективных моментов, отражающих обстоятельства и условия внешнего благополучия субъекта, зависящих от воли случая, во всех словарях стоит уже на втором месте: «успех, удача» [8, с. 724; 9, с. 783; 10, с. 320; 3, с. 1297; 12, с. 1311], «удача, успех, благополучное стечение обстоятельств» [14, с. 441–442], «успех, удача (преимущественно случайная)» [19, с. 615], «случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина в деле, не по расчету» [7, с. 371].

Репрезентация концепта СЧАСТЬЕ имеет свои особенности в современной женской художественной прозе, что связано с изменениями в социуме и гендерным аспектом проблемы. Семантическое пространство произведений Виктории Токаревой обладает особой притягательностью – лаконичностью, образностью, точностью в оценках героев и их судеб. На городском материале, от лица женщины мягко и с юмором она говорит о самых серьезных проблемах своего поколения. В ее рассказах находится место всему – любви, дружбе, счастью, веселью, радости, боли, грусти, нежности, одиночеству и еще очень многому, без чего невозможна жизнь каждого человека. Талант, оптимизм, юмор и доброта – вот основные составляющие творчества Виктории Токаревой. Ф. Феллини, прочитав книгу Токаревой, переведенную на итальянский язык, заметил, что она воспринимает жизнь не как испытание, а как благо, отсюда и особое понимание счастья во всех его проявлениях.

Анализ прозы Виктории Токаревой (на материале цикла рассказов «Террор любовью») показал, что количество репрезентантов исследуемого концепта только на этом материале достигает 200 единиц, общее же количество словоупотреблений – более 2000.

Лексема *счастье* как центральная в концепте обладает разветвленной семантикой. *Счастье* – это эмоции в целом. *Я сделала паузу, как будто слушала свое счастье души* («Террор любовью»); *он был только маминим счастьем* («Ни сыну, ни жене, ни брату»);

это счастье несло его по воздуху («Ни сыну, ни жене, ни брату»).

Представление в текстах состояния *счастья и несчастья*.

Предстояла свадьба. Царю пришлось развестись, что не просто. Он оставил жену и десятилетнюю дочь и ушел на зов любви. Однако любовь – это нечто виртуальное, а дочь – физическое лицо с руками, ногами, и прозрачными слезами, и постоянными вопросами. У Царя был тяжелый период, замешенный на счастье и несчастье. Он строил свое счастье на несчастье близких и дорогих людей («Террор любовью»). Несчастье Царя является реакцией на содеянное, а также результатом на последующее осмысление поступка. *Она была так несчастна, что у Дюка упало сердце* («Ни сыну, ни жене, ни брату»); *а шестеть под небом, быть среди других и при этом – сам по себе, ни от кого не зависим, – вот оно подлинное счастье* («Террор любовью»). В этом и других случаях пребывание главной героини в счастливом состоянии связано с формированием идеальных образов, которые, реализовавшись, утрачивают свою притягательность, и она вынуждена сознательно создавать новую мечту, стремление к которой равносильно стремлению к счастью.

Отец моего мужа искренне радовался за меня: была голодная, стала сытая. Отвалилась. Счастье («Террор любовью»). Состояние *счастья* в данном контексте сводится к результату овладения вещью, к еде, получает предельно бытовое осмысление. Реализация семантики концепта происходит и с помощью прилагательных. Так, например, прилагательное *счастливым*, как и все качественные прилагательные, которые допускают изменение вида качества и превращают его в качественное состояние, протекающее во времени [4, с. 262], образует краткую форму *счастлив*, отмеченную формальными и функциональными ограничениями: она не склоняема и в современном языке употребляется лишь в функции предикатива (сказуемого), но никак не атрибута (определения) [4, с. 265; 15, с. 223; 2, с. 291]. С.Г. Воркачев отмечает, что большая часть лексикографических толкований прилагательного «счастливым» – перифразы с именем «счастье»: обладающий счастьем, выражающий счастье, полный счастья, приносящий счастье; такой, которому благоприятствует счастье, и пр. [5, с. 52]. В семантике прилагательного реализуются значения всех трёх основных ЛСВ имени *счастье*: счастливый человек – это и тот, кто испытывает счастье, и

тот, кому благоприятствует удача, и тот, у кого благополучно складывается судьба.

Употребление полной и краткой форм прилагательного в позиции предикатива отличается, прежде всего тем, что членная форма обозначает признак, присущий предмету вне времени, а нечленная – его одномоментное качественное состояние [4, с. 263]. Таким образом, если «счастливый» отправляет к постоянной и завершенной характеристике субъекта, то «счастлив» – «к его разовому и преходящему состоянию, к «счастливому моменту», к одному из фрагментов, из которых складывается мозаичная картина полнообъемного счастья»: [5, с. 52]. *Она была счастлива своей любовью к нему, любил и был счастлив* («За рекой, за лесом»). Краткие формы реализуют значение ЛСВ *счастье – душевного состояния* – для выделения значения *счастья – удачи* употребляют предлог *в* (*счастлив в игре, любви, друзьях* и пр.): *Будь счастлив в жизни, талисман!* – *попросила Аэлита* («Ни сыну, ни жене, ни брату»). Можно также отметить, что противопоставление полных и кратких форм прилагательного *счастливый* нейтрализуется в позиции инфинитива: *быть счастливым*.

ЛСВ прилагательного *счастливый*, соотносимые с ЛСВ имени *счастье* (*счастье – душевное состояние, счастье – удача, радость, веселье*), могут определять различные семантические разряды существительных: имена лиц, одушевленных существ, предметов, явлений, свойств, обстоятельств и пр., однако направление семантической деривации (многозначности), в основе которой лежит метонимический перенос, при употреблении этих ЛСВ разнонаправлен. Так, *счастье – душевное состояние* изначально – характеристика субъекта, способного испытывать эмоции. *Целый год она была веселая и счастливая* («Террор любовью»). *От него всегда хорошо пахло, и рядом с ним я была спокойна и счастлива* («Террор любовью»).

Проведенный анализ репрезентантов концепта *СЧАСТЬЕ* на материале цикла рассказов «Террор любовью» позволил выявить процентное соотношение прямых и образных номинаций исследуемых единиц: прямые – 62%, образные – 38%. Лексемы, номинирующие *счастье* в произведениях Виктории Токаревой, могут выступать в составе различных тропов: *это счастье несло ее по воздуху* («Ни сыну, ни жене, ни брату»), *заразишься веселым бешенством* («Ни сыну, ни жене, ни брату»), *она ... нелепая и радостная, как кенгуру* («Ни сыну, ни жене, ни брату»).

Особенностью семантической реализации концепта *СЧАСТЬЕ* в исследуемом цикле рас-

сказов является употребление слов, отражающих понимание *счастья*, что дает возможность проследить динамику изменения смыслового наполнения концепта *СЧАСТЬЕ* в зависимости от уровня вложенности описываемой реальности. Все рассказы строятся на воспоминаниях автора и развиваются по линейной схеме: ранние годы, учеба и взрослая жизнь со множеством испытаний. Такая форма была необходима В. Токаревой для наполнения текста глубоким философским содержанием. Раздумывая над картинами прошлого, главная героиня занимается напряженным психологическим исследованием себя и окружающих – подробно передает чувства, переживания, эмоциональные состояния человека. В это число постоянно входит рефлексия о понятии *счастье*.

В созданном нами «Словаре афоризмов Виктории Токаревой» нашли отражение понимания *счастья* автором и героями его произведений: *...настоящее счастье незатейливо* («Просто свободный вечер»); *счастье – это самая большая взаимовыручка* («Лошади с крыльями»); *ощущение счастья похоже на ощущение высоты. Необычно и страшно* («Инструктор по плаванию»); *поиском счастья занято все человечество, а находят его единицы* («Между небом и землей»); *счастливым можно быть в любом возрасте* («Свиньячья победа»); *счастье – это сама жизнь* («Мои враги»).

Литература

1. Аргайл М. Психология счастья. М., 1990.
2. Белошапкина В. А. и др. Современный русский язык. М., 1981.
3. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М. – Л., 1947.
5. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60, № 6. С. 47–58.
6. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 3 т. СПб., 1996. Т. 1.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб., 1998.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1953.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998.
10. Словарь русского языка : в 4 т. М., 1981.
11. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. М., 1971.
12. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. – Л., 1951–1965.
13. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. М., 1991.

14. Словарь языка Пушкина : в 4 т. М., 1956.
 15. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
 16. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М., 1981.
 17. Токарева В.С. Террор любовью. М.: АСТ : АСТ-МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
 18. Туралина Н.А., Коротенко Л.В. Словарь афоризмов В. Токаревой. Белгород, 2008.
 19. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М., 1996.

Representants of concept “happiness” in the prose by Victoria Tokareva

There are regarded the representants of the concept “happiness” based on the Victoria Tokareva’s cycle “Love Terror”.

Key words: *representants, concept, lexeme, linguistic and culturological approach, lexical and semantic variant (LSV).*

И.А. МОРОЗОВА
(Борисоглебск)

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Рассматривается содержание концепта «женщина» в сознании носителей воронежских говоров. С этой целью проанализированы диалектные средства объективации концепта, выявлены его когнитивные признаки, описана категориальная структура. На основе полученных данных определены особенности концептуализации представлений о женщине в региональной языковой картине мира.

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, концепт, когнитивный признак, категориальная структура концепта, региональная языковая картина мира.*

В процессе описания ментальных единиц как частей языковой картины мира (ЯКМ) анализируют в основном их средства репрезентации в рамках литературного языка. Между тем интерес представляют и некодифицированные

формы русского языка – в частности, диалекты, объективирующие ту или иную региональную ЯКМ. Диалекты в своей основе – это говоры крестьянского населения, до сих пор являющиеся средством устного общения у значительной части населения РФ. Как и литературный язык, они имеют свою фонетическую и грамматическую систему и, следовательно, могут служить для говорящих на этих диалектах единственным средством общения. Поэтому территориальные диалекты наряду с литературным языком являются основными разновидностями русского языка.

Как феномен культуры диалектная лексика фиксирует и репрезентирует систему ценностей, общепринятые оценки, особенности мировидения, этнически обусловленные типы поведения населения определенной местности. Обращение к диалектам как к источникам сведений о региональной языковой картине мира особенно актуально в рамках когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и др. современных направлений языкознания, когда единицы языка изучаются с учетом культурного, национального, регионального своеобразия на основе антропоцентрического подхода.

Цель нашего исследования – выявить диалектные лексические и фразеологические единицы, входящие в номинативное поле концепта «женщина», и описать его как фрагмент региональной языковой картины мира.

Материалом для исследования послужили номинации женщин, извлеченные из лексикографических изданий [1 – 4], которые содержат лексику и фразеологию современных воронежских говоров, в большинстве своем активно функционирующую в речи сельских жителей региона. В результате методом сплошной выборки были получены данные, показанные в таблице.

Словарь воронежских говоров	Картотека лаборатории региональной лингвистики	Воронежская мольвь
154 лексические единицы	169 лексических единиц	23 лексические единицы
2 фразеологизма	9 фразеологизмов	—

После обобщения сведений из всех источников объем полученного словника составил 308 лексических и 11 фразеологических единиц. Основная часть лексем (288) является моносемичной, 20 – полисемичны, среди них преобладают двузначные единицы.

На основе имеющихся данных методом когнитивной интерпретации были сформули-